

**АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ**

ВЕРХОМ НА
ВЕТРЕ

Александр Беляев

Верхом на Ветре

«Public Domain»

1929

Беляев А. Р.

Верхом на Ветре / А. Р. Беляев — «Public Domain», 1929

«— Пощады! Пощады! Пожалейте детей, не делайте сиротами! Пощады! Пощады!..Эти бабы испортили всю торжественность церемонии. Как они прорвались через цепь солдат? Генерал-капитан Буэнос-Айроса, диктатор Розас нахмурился. Его рыжий английский скакун нервно перебирал ногами, – детский и женский крик действовал на нервы лошади гораздо сильнее, чем на нервы седока. Женщины окружили лошадь, кричали «Пощады!» и протягивали к Розасу плачущих младенцев. Но «человек железа и крови», как звали его, не знал жалости. На его бритом лице с большим носом и бачками на щеках не выразалось ничего кроме досады на случайное нарушение порядка...»

Александр Беляев

Верхом на Ветре

– Пощады! Пощады! Пожалейте детей, не делайте сиротами! Пощады! Пощады!..

Эти бабы испортили всю торжественность церемонии. Как они прорвались через цепь солдат? Генерал-капитан Буэнос-Айроса, диктатор Розас нахмурился. Его рыжий английский скакун нервно перебирал ногами, – детский и женский крик действовал на нервы лошади гораздо сильнее, чем на нервы седока. Женщины окружили лошадь, кричали «Пощады!» и протягивали к Розасу плачущих младенцев. Но «человек железа и крови», как звали его, не знал жалости. На его бритом лице с большим носом и бачками на щеках не выразалось ничего кроме досады на случайное нарушение порядка.

Высокомерный, гордый, в мундире с высоким воротником и в шляпе с плюмажем, он сидел на лошади так неподвижно, что его можно было принять за статую. Наконец крики ему надоели. Не поднимая руки от поводов, он приподнял указательный палец и сказал тихо, но внятно:

– Уберите женщин!

Адъютант отдал приказ офицерам, офицеры – солдатам, солдаты нехотя начали отгонять плачущих женщин. Площадь очистилась. Прямо перед Розасом виднелись пятьдесят столбов в рост человека с привязанными к ним полураздетыми солдатами. По левую и правую стороны от него стояли войска. Посреди площади, между Розасом и столбами, лицом к привязанным людям – цепь стрелков с ружьями наготове. За столбами виднелась груда человеческих тел. Розас производил суд над пойманными дезертирами армии. Заодно расстреливались и личные враги Розаса. Сегодня был большой день. С утра над площадью висела дымовая завеса, которую не мог развеять даже довольно сильный ветер, и слышались залпы. То диктатор Розас правил страной.

Когда вопли женщин и детей замолкли вдали, Розас махнул платком. Сухой треск выстрелов прокатился над площадью, и еще один ряд привязанных к столбам полураздетых солдат склонил головы.

Внезапно наступило затишье. Вероятно Санта-Анна, кавалерист, стоящий невдалеке от Розаса в строю, не ожидал этой паузы, и его голос довольно явственно прозвучал в зловещей тишине:

– Гнусный палач!..

Мышцы лица Розаса чуть-чуть дрогнули. Он тронул повод. Лошадь – подарок одного скотопромышленника, недавно вернувшегося из Англии, легко перебирая ногами, приблизилась к лошади Санта-Анны. Розас впился в глаза кавалериста своими черными глазами, как бы желая пронзить его насквозь, потом тем же спокойным, несильным, но довольно внятным голосом сказал:

– Или я ослышался? Повтори, что ты сказал!

Лицо Санта-Анны побледнело, а грудь высоко поднялась, как будто он опустил в холодную воду. Тысячи глаз смотрели на него с любопытством и страхом. Санта-Анна молчал. Улыбка скользнула по губам Розаса. Презрительная улыбка была той искрой, которая подохла в душе Санта-Анны пороховую бочку испанского самолюбия и гордости. Он поднял голову и, не спуская глаз с Розаса, отчетливо сказал:

– Сеньор генерал-капитан! Я сказал, что ваша милость – гнусный палач!

– Хить! – в воздухе раздался короткий возглас Розаса, похожий на свист хлыста, рассекающего воздух. В то же мгновение лошадь диктатора, вздернутая сильной рукой, поднялась на дыбы. Задние ноги ее плясали, а передними она махала в воздухе. Лошадь двинулась на Санта-Анну, как будто вызывая его на партию бокса. Лошадь кавалериста также поднялась на

дыбы, но не пошла навстречу английскому скакуну, а, сделав поворот на месте в девяносто градусов, поскакала прочь. И она, конечно, вынесла бы своего седока на простор пампас так же, как не раз выносила его из гущи сражения, если бы чьи-то руки не ухватились за плечи Санта-Анны. Он был сдернут с седла, а лошадь, едва не перевернувшись навзничь, поплясала на задних ногах и умчалась за линию войск.

Четыре солдата повисли на руках Санта-Анны, который стоял не сопротивляясь. Розас хмурился. Он был недоволен, что не сдержал гнева и унижил себя до того, что бросился на солдата. За это он возненавидел Санта-Анну еще больше.

– Расстрелять! – сказал он небрежно и посмотрел на тени на земле. Затем он вынул великолепный золотой брегет и самодовольно улыбнулся. Недаром в детстве он жил среди гаучо: он безошибочно определял время по тени. Стрелки часов показывали ровно двенадцать. Пора обедать. Розас вставал очень рано, обедал в полдень и потом предавался в самое жаркое время сиесте. И он повернул лошадь по направлению к городу. Казнь может совершаться и без него.

– Ну что же ты? Марш к столбам! – приказал офицер.

Санта-Анне нечего было терять. Он ухмыльнулся и дерзко ответил:

– Я всегда привык видеть начальство впереди. Идите вы, если вам нравится, а я за вами.

– Это бунт? – взвизгнул офицер и приподнял хлыст.

– Идем, товарищ, от смерти не убежишь! – сказал солдат, дергая за руку Санта-Анну, но тот упирался на каждом шагу. И вот, когда они были уже всего в двадцати шагах от столбов, случилось нечто, чего никто не ожидал. Откуда-то вихрем налетела лошадь Санта-Анны и со всего размаху боком ударила в группу солдат, тащивших его хозяина. Это был мастерский удар, которому она научилась в то время, когда Санта-Анна не был еще солдатом, а батрачил у одного из помещиков. У гаучо была любимая, довольно жестокая забава: когда клеймили скот каленым железом, и обезумевший от боли бык бросался в степь, считалось лихим молодечеством догнать его на скакуне и свалить с ног ударом груди лошади поперек туловища. И вот теперь лошадь Санта-Анны, очевидно, решила, что с ее хозяином хотят проделать нечто скверное, – более скверное, чем клеймение железом. Недаром он упирался и не хотел идти. Недаром эта площадь пропахла кровью, как поле сражения. Да, лошадь Санта-Анны видала виды и понимала своего хозяина без слов.

Удар получился на редкость удачный. Все солдаты полетели вверх тормашками. Правда вместе с ними упал и Санта-Анна. Но он-то скорее всех понял, в чем дело. Его лошадь уже стояла как вкопанная, ожидая своего хозяина, а он не заставил себя ждать. И прежде, чем первый из упавших солдат поднялся с земли, Санта-Анна уже скакал далеко-далеко, распевая песню.

– Вперед! За ним! В погоню! – кричал офицер, но солдаты только безнадежно отмахивались руками.

– Как вы смеете не слушаться меня? Что это – заговор, военный бунт? – сердился офицер.

– Не горячитесь, сеньор, – ответил старый кавалерист, – Гнаться за Санта-Анной безнадежно. Ведь Санта-Анна улетел верхом на ветре!

– Что ты сочиняешь, осел? Он ускакал на обыкновенной лошади.

– Я утверждаю, сеньор, что он улетел верхом на ветре. Это необыкновенная лошадь. Такой, может быть, никогда не было и уж наверно не будет в пампасах. Ведь ее так и зовут: Эль-Виэнто (Ветер). Разве можно догнать ветер?

– Но я приказываю вам! Марш без рассуждений, хотя бы Санта-Анна оседлал черта! Если он не будет доставлен сегодня же к тому времени, как сеньор генерал-капитан поднимется после сиесты, то вы потеряете свои головы. Марш!

Несколько солдат, уныло тряхнув головой, поскакали следом за Санта-Анной. Они кричали, понукали своих лошадей, били их хлыстами. Но и для офицера было ясно, что лошадь Санта-Анны превосходит всех лошадей в быстроте. «Однако, что теперь будет, если они не

догонят беглеца – думал офицер, страшась гнева диктатора, – Может быть он забудет... А если он не забудет... Была не была! Скажу, что Санта-Анна расстрелян».

Розас не забыл. В тот же вечер он спросил адъютанта, а адъютант – офицера, расстрелян ли дерзкий солдат Санта-Анна.

– Расс...стрелян, – ответил офицер, читая в душе молитву и прося Иисуса и Марию, чтобы его обман не всплыл наружу.

* * *

А Санта-Анна в это время уже несся по необъятной степи. Он родился и вырос в пампасах. Ездить верхом он научился чуть ли не раньше, чем ходить. Он не мог представить себе жизни без лошади. Недаром у него были кривые ноги, как у всех гаучо. Его ноги были вторыми «задними руками», которые умели крепко обнимать бока лошади. Он и лошадь, как бы составляли одно существо подобное кентавру. Когда он сходил с лошади, то сразу становился беспомощным как инвалид, снявший артистически сделанные протезы ног. Он не мог и не любил ходить пешком. Дома, когда он занимался хозяйством, он иногда садился на лошадь, чтобы привезти бочку, стоящую в ста шагах, и вообще много делал такого, что, казалось бы, гораздо удобнее делать пешему. Лошадь была его крылатыми ногами, притом умными ногами. Когда он сидел в седле, ему можно было ни о чем не думать или думать обо всем, совершенно не заботясь о дороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.